

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПОИСК

Евгений БОРИСОВ

Доктор философских наук, главный научный сотрудник.
Институт философии и права Сибирского отделения РАН.
630090, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8;
e-mail: borisov.evgeny@gmail.com

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

В статье дан обзор наиболее фундаментальных идей, репрезентирующих аналитическую философию от начала XX в. до наших дней. История аналитической философии делится на два этапа — ранней и современной аналитической философии. Главные отличительные черты ранней аналитической философии — это использование математической логики как инструмента постановки и решения философских проблем и критическая установка по отношению к «метафизике» — традиционной и современной неаналитической философии. Становление аналитической философии протекало в тесной связи с революцией в логике, приведшей к появлению математической логики; неслучайно некоторые из основателей аналитической философии (прежде всего Фреге, Рассел и Карнап) были и выдающимися логиками. (Однако в ранней аналитической философии есть также мыслители и школы, чьи исследования базируются на менее формальных инструментах, таких как традиционная логика и лингвистические методы анализа языка. Примером такого типа философии является философия обыденного языка.) Использование математической логики как философского инструмента породило огромное количество новых идей, а также новый тип философской критики, воплощенный в ряде проектов «преодоления метафизики». Эти особенности определяют методологический и тематический профиль ранней аналитической философии. В отличие от ранней, современная аналитическая философия не может

быть охарактеризована доминирующим методом или сквозными темами; она выделяется по историческим, институциональным и стилистическим основаниям. В статье ранняя аналитическая философия представлена идеями Фреге, Рассела, раннего Витгенштейна, Венского кружка (Шлик, Карнап и др.) и философии обыденного языка (поздний Витгенштейн, Рай, Остин и Сёрл); современная аналитическая философия рассмотрена на примере философии Куайна и теории прямой референции в философии языка (Крипке, Доннелан, Каплан и Патнэм).

Ключевые слова: аналитическая философия, логический анализ языка, критика метафизики, Фреге, Рассел, Витгенштейн, Венский кружок, философия обыденного языка, Куайн, теория прямой референции

Аналитическая философия — традиция в современной философии, сформировавшаяся в начале XX в. главным образом в работах Г. Фреге, Б. Рассела, Дж. Мура, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, А. Айера и др. В истории аналитической философии можно выделить два этапа: ранняя аналитическая философия (первая половина XX в.) и современная аналитическая философия (вторая половина XX в. и начало XXI в.). Для ранней аналитической философии характерно широкое использование логики как инструмента постановки и решения философских проблем, а также острая критика альтернативных направлений в философии. Современная аналитическая философия выделяется по историческим, стилистическим и институциональным признакам.

Ранняя и современная аналитическая философия

Главная методологическая особенность ранней аналитической философии состоит в широком применении логики как инструмента философского исследования. Становление аналитической философии проходило в тесной связи с революцией в логике, приведшей к появлению математической логики; неслучайно многие классики аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассел, Р. Карнап и др.) являются также авторами пионерских логических идей. Эта связь сохраняется и во многих современных исследованиях в аналитической философии: логика используется как инструмент, позволяющий уточнять содержание понятий и строго формулировать обсуждаемые тезисы, аргументы и возражения. Ряд революционных новаций математической логики — понятие многоместного предиката, использование переменных и кванторов, математическое определение истины и доказательства и т.д. — обусловили значительное расширение возможностей логического анализа рассуждений. Это, в свою очередь, привело к кардинальному обновлению философской методологии и появлению новых подходов к постановке и решению философских проблем, в том числе традиционных. Таким образом, формирование аналитической философии в значительной мере отражает революцию в логике, имевшую

место в конце XIX — начале XX в. Логический анализ языка является главным методом ранней аналитической философии, а проблематика философии языка — её главной темой. Классические версии метода логического анализа языка, основанного на математической логике, представлены в работах Фреге, Рассела, раннего Витгенштейна, Карнапа и др. Но это не значит, что все исследования ранней аналитической философии явным образом опирались на логико-математические построения: например, Мур, поздний Витгенштейн, Райл, Остин и др. широко использовали анализ языка как метод, но опирались главным образом на классическую логику и лингвистические концепции.

Классики аналитической философии считали главной задачей философии прояснение мышления, т.е. экспликацию понятий и суждений, выявление предельных оснований знания, способов его обоснования и т.п. В качестве коррелятивной задачи они рассматривали критику постановки и решения проблем в классической философии и современной неаналитической философии (последнюю иногда называют континентальной). Критика, как правило, состояла в выявлении логических ошибок в постановке проблем, которые приводят к возникновению теорий, не имеющих познавательной ценности. Философию, порождённую плохой логикой, часто называли метафизикой. Таким образом, для ранней аналитической философии характерен пафос обновления философии и преодоления метафизики (в указанном смысле) в опоре на логический анализ языка. Классические образцы такого рода критики метафизики представлены в работах Б. Рассела, Дж. Мура, Л. Витгенштейна, М. Шлика, Р. Карнапа, А. Айера, Г. Райла и др.

В середине XX в. в аналитической философии происходит значительное расширение тематики и методологии исследований; в результате сегодня аналитическая философия охватывает не только традиционную тематику философии языка, сознания и науки, но и сравнительно новые для данной традиции области — социальную философию, политическую философию, философию права, этику, эстетику, теологию и т.д. [2; 5; 20; 33]. При этом во многих случаях метод логического анализа языка теряет ту фундаментальную роль, которую он играл в работах классиков, или не используется совсем. Вместе с тем в современной аналитической философии в значительной мере сходит на нет пафос преодоления метафизики и дистанцирования от континентальной философии; более того, существует ряд версий метафизики в рамках аналитической традиции, таких как «дескриптивная метафизика» П. Стросона или метафизика возможных миров в философии логики и философии языка (С. Крипке, Д. Льюис и др.).

В результате этих трансформаций аналитическая философия теряет отчётливый методологический и тематический профиль, и сегодня она характеризуется скорее историческими, стилистическими и институциональными особенностями [3; 5; 20]. Её историческая специфика состоит в том, что многие идеи, обсуждаемые в современных дискуссиях, восходят к работам классиков ранней аналитической философии. К стилистическим особенностям современной аналитической философии относятся ясность

проблем, дефиниций и тезисов, строгость аргументации, отрефлексированность принимаемых посылок и лаконичность изложения. С этим связана жанровая специфика публикаций: в аналитической философии значительно более важную, чем в континентальной философии, роль играют статьи (в сравнении с монографиями). Некоторые классики современной аналитической философии стали известны главным образом благодаря статьям (Д. Каплан, С. Крипке и др.), а некоторые публиковали только статьи (К. Доннелан, Д. Дэвидсон и др.), что едва ли возможно в континентальной философии. Институциональный профиль современной аналитической философии (как и любой научной традиции) определяется такими факторами, как преемственность в разработке идей, отношения «учитель — ученик», отношения полемики, аффилиация, предпочитаемые журналы и издательства и т.п. Тот или иной автор может считаться аналитическим философом, например, на том основании, что он развивает некоторые идеи, восходящие к Фреге и Карнапу, публикуется в журналах, традиционно считающихся аналитическими (“Mind”, “Analysis”, “Erkenntnis” и др.), придерживается указанных выше стилистических стандартов, является учеником представителя ранней аналитической философии и т.п. Таким образом, понятие современной аналитической философии не имеет чётко очерченного объёма. Следует также отметить, что на рубеже XX–XXI вв. в литературе появляются попытки синтеза идей аналитической и континентальной философии и преодоления границ между этими традициями (К.-О. Апель, Ю. Хабермас, Х. Дрейфус, Р. Рорти и др.).

Ниже дана характеристика философских взглядов некоторых персон и школ, репрезентативных для ранней и современной аналитической философии. Ранняя аналитическая философия охарактеризована на примере взглядов Фреге, Рассела и Витгенштейна и школ логического позитивизма и философии обыденного языка. Современная аналитическая философия представлена на примере философии Куайна и теории прямой референции в философии языка.

Логические и философские идеи Фреге

Фреге является одним из основоположников математической логики, и его можно считать первым представителем аналитической философии. В трактате 1879 г. «Исчисление понятий. Формальный язык чистого мышления, построенный по образцу языка арифметики» [15] он разрабатывает аппарат квантификации и первую версию аксиоматизированного исчисления предикатов. В последующих работах он на этой основе разрабатывает логицистскую программу обоснования математики и основы семантики естественного языка. Главный тезис логицизма состоит в том, что арифметика, а вместе с ней и вся математика, может быть построена чисто логическими средствами. Эта программа была развёрнута в работах «Основоположения арифметики: логико-математическое исследование понятия

числа» (1884) [16] и «Основные законы арифметики» (1 т. — 1893, 2 т. — 1903) [17]. Программа содержала дефект, связанный с тем, что Фреге опирался на наивную теорию множеств, которая порождает парадоксы. Этот дефект был обнаружен Расселом, что мотивировало его к разработке теории типов и новой версии логицизма.

В философии языка Фреге сформулировал две идеи, лежащие в основе современных подходов в семантике естественного языка: это различие смысла и денотата и идея композициональности. Согласно Фреге, любое синтаксически правильное языковое выражение имеет смысл (Sinn) и денотат (Bedeutung; этот термин часто переводится как «значение»). В статье «О смысле и денотате» (1892) [18] эти понятия иллюстрируются на примере собственных имён и повествовательных предложений. Денотат собственного имени — это обозначаемый объект; смысл собственного имени — это некоторая информация о денотате, позволяющая отличить его от других объектов. Денотат предложения — это истинностное значение; смысл предложения — это выражаемая им мысль (в современной литературе смысл предложения обычно называется пропозицией). Фреге считал смыслы — как пропозиции, так и смыслы вообще — идеальными объектами, образующими особый онтологический регион, аналогичный платоновскому миру эйдосов; детально этот тезис развёрнут в работе «Мысль. Логическое исследование» (1919).

Фреге использует различие смысла и денотата, в частности, для решения следующей проблемы: если в предложении А заменить некоторое имя другим именем, имеющим тот же денотат, то мы получим предложение В, которое должно иметь то же истинностное значение, что и А, однако в некоторых случаях, как кажется, А и В имеют разные истинностные значения. Хрестоматийный пример Фреге: имена «Утренняя Звезда» и «Вечерняя Звезда» обозначают один и тот же объект (Венеру), но предложение «Древние астрономы знали, что Утренняя Звезда — это Вечерняя Звезда» и «Древние астрономы знали, что Утренняя Звезда — это Утренняя Звезда» имеют разные истинностные значения (первое ложно, второе истинно). Для решения этой проблемы Фреге принимает следующий тезис: когда имя фигурирует в косвенном контексте (например, в придаточном предложении в «Х знает, что...»), его денотатом становится тот смысл, который оно имеет в прямых контекстах. Например, имена «Утренняя Звезда» и «Вечерняя Звезда» имеют разные смыслы в прямых контекстах, поэтому они имеют разные денотаты в контексте «Древние астрономы знали, что...». Данная проблема оказалась чрезвычайно продуктивной в логике и аналитической философии языка: в литературе были предложены многочисленные подходы к её решению, основанные на подходе Фреге или альтернативные ему, и она до сих пор остаётся актуальной (в англоязычных публикациях её часто называют головоломкой Фреге — Frege's puzzle).

Идея композициональности состоит в том, что смысл целого выражения зависит от смыслов его частей и синтаксических отношений между

ними. Этот тезис получил детальную формальную разработку в работах Карнапа и Монтегю и широко применяется в современной логике и лингвистике.

При жизни Фреге его работы не получили широкой известности; отчасти это связано с тем, что он использовал трудночитаемую двумерную логическую нотацию, которая не утвердилась в литературе. Его идеи приобрели широкую известность прежде всего благодаря Расселу, Витгенштейну и Карнапу (последний был учеником Фреге). После Второй мировой войны основные работы Фреге были переведены на английский язык, и сегодня он является одним из наиболее обсуждаемых классиков аналитической философии.

Логические и философские идеи Рассела

Б. Рассел — самый продуктивный и, по-видимому, самый влиятельный из основателей аналитической философии. Он внёс значительный вклад в развитие логики и философии математики, прежде всего благодаря написанному в соавторстве с А. Уайтхедом фундаментальному трёхтомному труду “Principia Mathematica” (1910–1913) [51–53], в котором дано систематическое изложение математической логики и теории типов и развёрнута новая (после фрегевской) версия обоснования математики. Он является автором многочисленных книг и статей, представляющих целостный и детально разработанный философский проект [34–41]. Его обширное наследие включает в себя также популярные работы, исследования по истории философии, книги и эссе по социально-политической проблематике и автобиографические произведения. В 1950 г. Рассел получил Нобелевскую премию по литературе; в решении Нобелевского комитета было отмечено, что в своих произведениях он «отстаивает гуманистические идеалы и свободу мысли».

Главной задачей философии Рассел считал выявление простейших элементов человеческого знания и тех способов, какими из них формируется более сложное знание, в том числе научные теории. К простейшим формам знания он относил знакомство с объектами, которые нам даны непосредственным образом (это данные ощущений, данные интроспекции и непосредственное знакомство с универсалиями), знание самоочевидных истин (они даны посредством ощущений и интроспекции и не требуют обоснования), а также знание априорных принципов познания. Структура знания как более или менее сложной конфигурации первых элементов отражается в языке и обнаруживается посредством его логического анализа, поэтому Рассел назвал свою философскую позицию «логический атомизм» [39]. Поскольку исследование первых элементов знания не является задачей частных наук, философия имеет свой собственный предмет и дополняет научную картину мира. При этом философия выполняет критическую функцию по отношению к убеждениям повседневной жизни,

поскольку показывает, что многие из них не имеют достаточного основания. С другой стороны, философия в опоре на логику открывает новые возможности мышления, подобно тому как неевклидова геометрия открывает новую возможность понимания пространства. Этим обусловлена практическая ценность философии для жизни: она устраняет иллюзорное знание (необоснованные предрассудки) и открывает новые возможности для мысли, тем самым делая человеческий разум свободным и единым с универсумом в той мере, в которой последний становится объектом знания [41]. Акцент на практической ценности философии отличает Рассела от многих мыслителей, для которых в философии важна только познавательная функция.

В исследованиях, посвящённых логическому анализу знания и языка, Рассел сформулировал ряд идей, оказавшихся чрезвычайно продуктивными в современной эпистемологии, логике и философии. К этим идеям относится различение знания по знакомству и знания по описанию, определение знания как разновидности мнения, квантификационная трактовка определённых и неопределённых дескрипций, различение прямо-референтных и дескриптивных собственных имён, различение общих и сингулярных пропозиций и т.д.

Рассмотрим в качестве примера Расселов анализ определённых дескрипций. Он был предложен в статье 1905 г. «Об обозначении» [38] и стал классическим образцом логического анализа языка. Грамматическую форму предложений, содержащих определённые дескрипции, в самом простом случае можно представить так: “the F is P” (F и P — предикаты; “the F” — определённая дескрипция). По Расселу, предложения такой формы выражают следующую пропозицию: существует единственный объект, имеющий свойство F, и этот объект имеет свойство P. Например, предложение «Современный король Франции лыс» говорит: в данный момент существует единственный король Франции, и он лыс. Философское значение этого анализа состоит в следующем. 1) Он показывает различие между грамматической структурой предложения и логической структурой выражаемой пропозиции: определённая дескрипция является грамматическим субъектом предложения, но отсутствует в выражаемой пропозиции; с другой стороны, выражаемая пропозиция содержит квантор «существует», отсутствующий в грамматической структуре. 2) Это, в свою очередь, проливает новый свет на онтологию, которую мы принимаем, когда говорим на естественном языке. В частности, Рассел использует данный анализ в критике онтологии Майнонга. С точки зрения Майнонга, каждая определённая дескрипция указывает на объект, и, если дескрипция не имеет денотата в действительности («современный король Франции», «круглый квадрат» и т.п.), она имеет недействительный денотат. По Расселу, логический анализ, элиминируя определённые дескрипции, показывает необоснованность этого тезиса и позволяет сузить онтологию, исключив из неё недействительные объекты. Таким образом, онтологическое учение Майнонга, по Расселу, основано на неверном логическом анализе обыденного языка.

Рассел распространяет данный анализ также на собственные имена («Аристотель», «Лондон» и т.п.), рассматривая их как сокращения для определённых дескрипций (например, имя «Лондон» можно рассматривать как сокращение для определённой дескрипции «столица Англии»). В первой половине XX в. теория определённых дескрипций Рассела принималась большинством представителей аналитической философии языка. В современной литературе преобладает восходящий к Фреге и Строссону пресуппозиционный анализ дескриптивных предложений, согласно которому предложение формы “the F is P” имеет пресуппозицию, что существует единственный F, и если такой объект существует, то данное предложение утверждает, что он имеет свойство P, а если такого объекта не существует, то данное предложение не выражает пропозицию. Однако ряд современных философов и логиков (например, S. Neale) продолжает отстаивать анализ Рассела. Расселова трактовка собственных имён как сокращений для определённых дескрипций интенсивно обсуждалась и критиковалась также в теории прямой референции, получившей широкое распространение в последней трети XX в. [23; 25].

«Логико-философский трактат» Витгенштейна

Л. Витгенштейн был самым «неакадемическим» мыслителем среди классиков аналитической философии: его произведения имеют целью не разработку доктрин, но постановку вопросов и проблематизацию привычных идей, что соответствует его пониманию философии как практики. Это понимание философии, а также афористический и метафорический стиль письма и довольно бурная интеллектуальная эволюция породили огромную литературу, посвящённую истолкованию его идей. Принято различать два периода в творчестве Витгенштейна: ранний (20-е гг.) и поздний (с 30-х гг. до конца жизни). В оба периода Витгенштейн оказал значительное влияние на аналитическую философию; в частности, ранний Витгенштейн повлиял на философию Венского кружка; поздний — на философию обыденного языка.

Этот раздел посвящён главной работе раннего Витгенштейна — «Логико-философскому трактату» (*Logisch-Philosophische Abhandlung*, 1921; в дальнейшем ЛФТ) [53]. ЛФТ посвящён главным образом двум темам: соотношению языка и мира и пределам осмысленной речи. Это произведение является одним из самых ярких образцов метода логического анализа языка, поэтому многие современники (в частности, представители Венского кружка) восприняли его как своего рода манифест аналитической философии. В ЛФТ проводится корреляция между логической структурой языка (описываемой в терминах математической логики) и априорной структурой мира. Мир, по Витгенштейну, состоит из простых и сложных фактов; простой факт — это конфигурация объектов; сложный факт — это конфигурация простых фактов. В языке объектам соответствуют имена,

а (простым и сложным) фактам — (простые и сложные) предложения: имена обозначают объекты; предложения описывают факты. Миру в целом соответствует совокупность истинных предложений. Логические отношения между элементами языка — именами и предложениями — отражают априорную структуру мира; в сущности, одна и та же структура описывается двумя способами: в онтологических терминах она описывается как структура мира; в логических — как структура языка. Поэтому любое логическое утверждение переводится на онтологический язык и наоборот; это позволяет использовать логику как инструмент познания мира. Например, одно простое предложение не может логически следовать из другого простого предложения; в переводе на онтологический язык это значит, что причинно-следственная связь между простыми фактами не является структурным элементом мира. Это можно рассматривать как аргумент против кантовской трактовки причинности как априорной категории рассудка.

Тождество логической структуры языка и априорной структуры мира означает, что любое осмысленное предложение — это описание некоторого возможного факта (действительного, если предложение истинно, и воображаемого, если оно ложно). Это обстоятельство определяет предел выразительных возможностей языка: бессмысленно пытаться описывать что-либо помимо фактов. Традиционная философия часто пытается делать именно это (описывать что-либо помимо фактов), и это приводит к появлению бессмысленных утверждений. Эти идеи получили развитие в философии Венского кружка — в верификационистской трактовке смысла предложения и в программе «преодоления метафизики».

Поскольку описывать можно только факты, а все факты суть предмет исследования отдельных наук, у философии нет собственного предмета. Поэтому философия не должна создавать теории; её задача — это прояснение мысли посредством демонстрации правильного употребления языка. То есть философия — это не теория, а практика. В частности, Витгенштейн рекомендует читателю «Трактата» рассматривать этот текст не как философское учение, а как практическую попытку прояснения мысли; поскольку же тезисы ЛФТ выходят за рамки описания фактов, их следует отбросить после того, как они выполняют свою задачу.

Тезис о невозможности собственно философских утверждений — это, по-видимому, наиболее радикальная версия критики метафизики в ранней аналитической философии: Витгенштейн здесь не противопоставляет правильные и неправильные философские теории, но отрицает возможность философских теорий вообще. Однако Витгенштейн не сводит всё, значимое для человека, к фактам: в ЛФТ он тематизирует нечто по ту сторону фактов — сферу «этического», или «мистического». Будучи нефактическим, мистическое не может быть выражено или описано: оно может быть только усмотрено. Таким образом, важной идеей «Трактата» является противопоставление выразимого и невыразимого: того, что может быть

«сказано», и того, что может быть только «показано». Эта тема резюмируется в последнем тезисе работы: «О чём нельзя говорить, о том следует молчать».

Венский кружок

Важную роль в развитии аналитической философии сыграл Венский кружок — сообщество естествоиспытателей, математиков и философов, объединённое интересом к фундаментальным вопросам теории познания. Кружок действовал в Вене с середины 20-х до середины 30-х гг. XX в.; его неформальным лидером был М. Шлик. В кружок входили Х. Хан, О. Нейрат, Ф. Вайсман, Г. Фейгль, Р. Карнап и др.; с кружком сотрудничали мыслители, имевшие близкие взгляды: К. Поппер, А. Тарский, К. Гедель, А. Айер и др. [19; 45]. Представители кружка регулярно проводили семинары, посвящённые проблемам теории познания и обсуждению актуальных философских текстов, таких как «Всеобщая теория познания» Шлика и «Логико-философский трактат» Витгенштейна. Многие идеи представителей кружка были опубликованы в основанном ими журнале “Erkenntnis” («Познание»), который был и остаётся одним из наиболее значимых журналов аналитической философии. Аншлюс Австрии вынудил многих представителей Венского кружка эмигрировать в англоязычные страны, что способствовало распространению аналитической философии.

Представители Венского кружка разделяли ряд фундаментальных философских идей, определяющих общую для них философскую позицию, которая получила название «логический позитивизм». (Конечно, эта позиция представлена у разных авторов в разных модификациях.) Из них наиболее важны следующие: дихотомия аналитических и синтетических предложений, принцип верифицируемости и принцип редукции (редукционизм) [5; 8; 24]. Аналитические и синтетические предложения понимались следующим образом: истинностное значение аналитического предложения полностью определяется значениями его частей (предложение «Все холостяки не женаты» истинно в силу значений входящих в него слов), тогда как истинностное значение синтетических предложений зависит от мира (предложение «Снег бел» истинно, поскольку правильно описывает некоторый факт). Это понимание аналитических и синтетических предложений близко к кантовскому, но, в отличие от Канта, представители Венского кружка отождествляют аналитические предложения с априорными, а синтетические — с апостериорными, т.е. отрицают существование синтетических предложений a priori. Принцип верифицируемости состоит в том, что значение синтетического предложения — это условия, делающие возможным вывод о его истинности. Редукционизм — это трактовка знания как сводимого к базовым элементам эмпирического опыта — чувственным данным (феноменалистская версия принципа) или непосред-

ственному восприятию физических объектов (физикалистская версия). Редукционизм показывает механизм верификации предложений: предложение истинно, если базовые элементы эмпирического опыта, к которым сводится выражаемая им информация, имеют место.

В целом логический позитивизм представляет собой последовательную версию эмпиризма, поскольку сводит всё возможное знание к эмпирическим данным и формальным (логическим и математическим) принципам. Задачей философии представители кружка считали выявление логической структуры научных теорий, логической специфики языка науки и механизмов верификации знания, а также разграничение научного и ненаучного знания.

Последовательный эмпиризм Венского кружка отражается в разработанной им концепции научного знания. Её главные положения таковы: 1) научное знание включает в себя эмпирическое знание (знание о фактах) и теории, объясняющие известные факты; при этом эмпирическое знание не зависит от принятых в научном сообществе теорий; 2) развитие науки состоит в непрерывном накоплении эмпирических данных и росте эвристической силы теорий, т.е. их способности объяснять факты; 3) идеальным пределом развития науки является единая наука, т.е. единая теория, объясняющая все известные факты. В 60-е и 70-е гг. XX в. эти положения были подвергнуты критике и ревизии в постпозитивистской философии (в работах К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и др.). В постпозитивизме этим положениям были противопоставлены следующие: 1) эмпирическое знание является теоретически нагруженным, поскольку в описании фактов используются теоретические понятия; 2) поэтому знание не может расти кумулятивно: смена доминирующих теорий приводит к «научным революциям» (Кун); 3) единая наука невозможна, поскольку разные научные теории (или более сложные образования, такие как «исследовательские программы» в смысле Лакатоса) редко допускают объединение в единую теорию (исследовательскую программу).

В работах представителей Венского кружка достигает апогея пафос преодоления «метафизики» (традиционной философии) и обновления философии на основе логического анализа языка и знания. В этом смысле особенно показательна статья Карнапа «Преодоление метафизики логическим анализом языка» (1931) [11]. В этой статье Карнап, опираясь на принцип верифицируемости, стремится показать, что ряд понятий традиционной метафизики (такие как «принцип» и «Бог») не имеют референта, что делает неверифицируемыми, а значит, бессмысленными многие положения традиционной метафизики. Карнап применяет этот метод критики также к философии Хайдеггера и приходит к выводу о бессмысленности таких его высказываний, как “Nichts nichtet” («Ничто ничтожит»). В статье 1950 г. «Эмпиризм, семантика и онтология» [10] Карнап показывает когнитивную бессмысленность метафизических утверждений формы «объекты существуют» в отличие от утверждений формы «существуют объекты,

такие что...» (в утверждениях первого типа слово «существует» представляет собой предикат; в утверждениях второго типа — квантор). При этом Карнап допускает, что утверждения формы «объекты существуют» могут иметь практический смысл: они могут выражать принятие говорящим определённой онтологии и намерение использовать соответствующий язык. В целом главная характеристика метафизики с точки зрения логического позитивизма состоит в неverifiedируемости её положений. При этом представители Венского кружка допускали, что метафизика может иметь ценность как выражение того или иного мировоззрения или мироощущения, но такого рода метафизика подобна искусству или религии, и её не следует считать формой рационального познания мира.

Философия обыденного языка

В середине XX в. в Оксфорде сложилось философское направление, которое получило название «оксфордская школа философии обыденного языка»; её самые известные представители — Г. Райл и Дж. Остин. В оксфордской школе метод логического анализа языка получил принципиально новый облик: предметом исследования стал обыденный язык, тогда как для большинства аналитических философов того времени более интересен был язык науки; при этом логика, имплицитно заключённая в обыденном языке, рассматривалась как основа философского мышления, а неверное понимание этой логики — как источник философских трудностей. Представители оксфордской школы редко использовали математическую логику как инструмент логического анализа языка: они опирались главным образом на традиционную логику, грамматический анализ и лингвистические теории значения. Предтечей оксфордской школы был один из основателей аналитической традиции Дж. Мур, предложивший метод «концептуального анализа», т.е. анализа понятий средствами классической логики, как метод прояснения философских понятий.

Классическим образцом оксфордской философии обыденного языка стала философия сознания Райла. По мнению Райла, многие философские проблемы порождены логическими ошибками особого рода — категориальными ошибками, т.е. смешением логических или онтологических категорий [42]. Например, университет воплощён в некоторых зданиях, которые можно осмотреть на экскурсии, но как социальный институт он не является физическим объектом и его невозможно увидеть в буквальном смысле слова. Поэтому если бы некий экскурсант, осмотрев все корпуса университета, попросил показать наконец сам университет, эта просьба была бы основана на категориальной ошибке — смешении категорий физического объекта и социального института. В частности, определённая категориальная ошибка порождает картезианский дуализм материи и сознания, лежащий в основе большинства философских и психологических теорий

сознания Нового времени. Критике и устранению этой ошибки посвящена самая известная работа Райла — «Понятие сознания» (*The Concept of Mind*, 1949) [42]. По Райлу, ошибка Декарта состояла в том, что он понимал сознание как «субстанцию», т.е. как объект, аналогичный материальным объектам. Отсюда картезианское понимание человека как «духа в машине» — мыслящей субстанции, воплощённой в протяжённом теле. Онтологическому дуализму двух субстанций соответствует эпистемологический дуализм двух видов чувственности — внешнего чувства, посредством которого мы воспринимаем материальные объекты, и интроспекции, посредством которой человеку дано его сознание. Картезианский дуализм порождает две неразрешимые проблемы философии сознания: психофизическую проблему, состоящую в невозможности объяснить взаимодействие сознания и тела, и проблему интерсубъективности, состоящую в невозможности доказать, что другие обладают сознанием.

В качестве альтернативы картезианству Райл предлагает трактовку сознания, базирующуюся на логическом различении обычных и диспозиционных свойств. Диспозициональное свойство объекта (диспозиция) — это его склонность реагировать на определённые ситуации определённым образом; например, растворимость — это диспозициональное свойство сахара, состоящее в том, что, если кусочек сахара поместить в воду, он растворяется. По мнению Райла, в нашем повседневном опыте ментальные свойства людей даны как диспозициональные свойства их поведения, что обнаруживается посредством логического анализа терминов и предложений обыденного языка. Например, предложение «Джон умён» в повседневной речи означает, по Райлу, следующее: если Джон сталкивается с интеллектуальными задачами (определённого уровня сложности, в определённой области), он чаще всего решает их успешно. Обобщая примеры такого рода, Райл делает вывод, что сознание индивида — это комплекс поведенческих диспозиций, и оно дано таким образом как стороннему наблюдателю, так и самому этому индивиду. Но понятия диспозиции и субстанции категориально различны, и ошибка картезианской философии сознания состоит в игнорировании этого различия. Таким образом, картезианская философия сознания основана на неверном теоретическом понимании повседневного опыта сознания и логики, имплицитно заключённой в ментальных терминах обыденного языка. Райл называет свою концепцию сознания «логический бихевиоризм»: «бихевиоризм», поскольку речь идёт о поведенческих диспозициях, и «логический», поскольку концепция основана на логическом анализе обыденного языка.

Важным результатом философии обыденного языка является также теория речевых актов, предложенная оксфордским мыслителем Дж. Остином и получившая дальнейшую разработку в исследованиях Дж. Сёрла. Её главный тезис состоит в том, что речь является не только средством передачи информации, но и инструментом, используемым для разнообразных практических целей, и что это существенно для языковых значений.

Речевой акт — это практическое действие, отсюда название одной из главных работ Остина: «Как совершать действия при помощи слов» (*How to Do Things with Words*, 1962) [7]. Например, высказывание «Я обещаю сделать то-то» выглядит как повествовательное предложение, но говорящий произносит его не столько для того, чтобы передать некоторую информацию, сколько для того, чтобы взять на себя определённое обязательство. Остин фиксирует различие между этими функциями речи в терминах «локутивное содержание» и «иллокутивная сила» речевого акта: локутивное содержание речевого акта — это передаваемая им информация; иллокутивная сила — это способность производить действие. Таким образом, теория речевых актов существенно дополняет верификационистскую трактовку языка, доминировавшую в аналитической философии языка в середине XX в. Теория речевых актов получила широкое применение в социальной философии, прежде всего в работах Дж. Сёрла и его последователей [43; 44] и философии права (в работах Г. Харта и др.).

Помимо оксфордской школы, важной частью философии обыденного языка являются поздние работы Витгенштейна, главная из которых — «Философские исследования» (*Philosophische Untersuchungen*) [53] — была написана по-немецки и опубликована посмертно в 1953 г. в английском переводе Э. Энском. Работы позднего Витгенштейна представляют собой собрание заметок по разнообразным вопросам философии языка, философии сознания, эпистемологии, философской логики, философии математики и т.д. Как и в ранний период, Витгенштейн в этих работах не пытается строить философские теории: заметки имеют целью постановку вопросов, проблематизацию общих мест и апробацию новых подходов. Однако многие идеи и терминологические находки Витгенштейна широко используются в литературе, например это понятие языковой игры, понятие семейного сходства, трактовка значения как употребления и т.п. Многие вопросы, поставленные Витгенштейном в поздних работах, до сегодняшнего дня остаются предметом дебатов, например: возможен ли индивидуальный язык и можно ли установить, каким правилам следует носитель языка в его речевом поведении? Этим вопросам посвящена, в частности, знаменитая работа Крипке «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» (*Wittgenstein on Rules and Private Language*, 1982) и интенсивная полемика вокруг неё.

В целом философия обыденного языка оказала чрезвычайно сильное стимулирующее влияние на аналитическую философию, приведшее к значительному расширению её тематики и методологического инструментария.

Философские идеи Куайна

По мнению многих авторов, У. Куайн является наиболее влиятельным аналитическим философом второй половины XX в. Это связано прежде всего с эффективной критикой, которой он подверг логический позитивизм,

и с разработанной им масштабной метафизической доктриной. Его главные возражения против логического позитивизма развёрнуты в статье 1951 г. «Две догмы эмпиризма» [29]. В этой работе Куайн критикует две базовые идеи логического позитивизма — дистинкцию «аналитическое/синтетическое» и принцип редукционизма. Куайн рассматривает понятие аналитического предложения на примере предложения «Ни один холостяк не женат» и показывает, что его трактовка в качестве аналитического не имеет под собой достаточных оснований. Тезис о его аналитическом характере выводят из того факта, что «холостяк» по определению означает «неженатый человек», или из того, что выражения «холостяк» и «неженатый человек» являются синонимами. Однако принимают ли носители языка некоторое определение и являются ли некоторые выражения синонимами — это вопросы, на которые можно ответить только посредством эмпирического наблюдения. Но если критерий аналитичности имеет эмпирический характер, то различие между аналитическими и синтетическими предложениями теряет смысл, т.е. различие аналитических и синтетических предложений оказывается «догмой». Этот тезис делает эмпиризм Куайна более радикальным, чем эмпиризм Венского кружка, поскольку, отвергая дистинкцию «аналитическое / синтетическое», Куайн отвергает также дистинкцию “a priori / a posteriori” и априористскую трактовку логики и математики.

Второй догмой эмпиризма (т.е. логического позитивизма) Куайн считает редукционизм. По Куайну, отдельное предложение невозможно однозначно верифицировать или фальсифицировать на основе эмпирического опыта. Это связано с холистическим характером научного знания, на который не обратил внимания логический позитивизм. Холистический характер знания обуславливает тот факт, что эмпирические данные могут подтверждать или ставить под вопрос не отдельные утверждения и даже не отдельные теории, но тот или иной комплекс взаимосвязанных теорий, а в конечном счёте — весь корпус научного знания в целом (это положение часто называют тезисом Дюгема — Куайна). Куайнова критика логического позитивизма имеет два фундаментальных для теории познания следствия.

1) Когда мы обнаруживаем несоответствие наших теорий эмпирическому опыту, это говорит о том, что какие-то из принимаемых нами положений требуют корректировки, но не указывает на эти положения. Поэтому выбор тех элементов теорий, которые будут подвергнуты корректировке, осуществляется по практическим основаниям [30; 31]. В конечном счёте даже выбор между научной и ненаучной картинами мира может иметь только практические основания: рационально доказать, что научная картина мира ближе к истине, чем, например, религиозная, невозможно. Таким образом, теория познания Куайна имеет прагматическое измерение, поэтому многие авторы называют его философию неопрагматизмом. Эта идея позволяет Куайну дать прагматическую интерпретацию дистинкциям «аналитическое / синтетическое» и «априорное / апостериорное». Дело в том, что некоторые теории (прежде всего математические и логические) играют

фундаментальную роль в структуре научного знания в целом, поэтому при столкновении с эмпирическими контрпримерами учёные склонны оставлять их неизменными и модифицировать менее фундаментальные теории. Именно эта консервативная позиция учёных по отношению к логике и математике порождает впечатление, будто эти науки имеют априорные основания и устанавливают аналитические истины, но это не более чем иллюзия. Куайн называл свою теорию познания натурализованной эпистемологией, что отражает тот факт, что она свободна от каких бы то ни было элементов априоризма [30].

2) Для любого набора эмпирических данных возможны альтернативные теоретические объяснения: ни одна теория не является единственной теорией, соответствующей тем или иным данным, сколь бы обширными они ни были (тезис о недоопределённости теории эмпирическими данными). Но каждая теория предполагает определённую онтологию (класс объектов, о которых в этой теории идёт речь), и разные теории базируются на разных онтологиях. Этим обусловлен Куайнов онтологический релятивизм, гласящий, что наше знание совместимо с альтернативными онтологиями и что любой научный или естественный язык допускает альтернативные интерпретации [31]. Этот тезис детально иллюстрируется в фундаментальной работе «Слово и объект» (1960) [32] на примере естественного языка. Куайн ставит мысленный эксперимент «радикальный перевод», в котором полевой лингвист пытается, наблюдая речевое поведение представителей некоторого народа, освоить их язык. Результат эксперимента, по Куайну, состоит в том, что эмпирические данные, которыми располагает лингвист, совместимы с альтернативными интерпретациями рассматриваемого языка: любой перевод с данного языка на язык лингвиста — это теория, объясняющая речевое поведение людей, и, как и любая теория, она не вполне определена эмпирическими данными. Отсюда Куайн делает вывод о «непостижимости референции», т.е. о невозможности зафиксировать онтологию естественного языка (этот вывод получил дальнейшее развитие в теории «радикальной интерпретации» Дэвидсона [12]).

В целом теория познания Куайна — одна из наиболее радикальных версий эмпиризма в аналитической философии. При этом Куайн, в отличие от Витгенштейна и представителей Венского кружка, не отвергает идею метафизики как глобальной философской теории. Более того, его основные идеи представляют собой целостную метафизическую теорию. Однако эта теория не имеет принципиальных отличий от научных теорий: по Куайну, философия делает то же, что и наука, — разрабатывает теории, максимально соответствующие эмпирическим данным; отличие философии от других наук состоит только в максимальной общности её понятий.

Теория прямой референции

В ранней аналитической философии языка доминировал дескриптивистский подход, заданный работами Фреге и Рассела. Согласно этому подходу, обозначающие выражения естественного языка (сингулярные термины, обозначающие индивидов, и общие термины, обозначающие классы объектов) связаны с обозначаемым благодаря их дескриптивному содержанию — смыслу. В 60-е и 70-е гг. XX в. в работах С. Крипке [23], К. Доннелана [13], Д. Каплана [22], Х. Патнэма [28] и др. сформировался принципиально новый подход к семантике естественного языка, получивший название «теория прямой референции», что, по мнению многих мыслителей, представляло собой революцию в философии языка. Контroversа этих подходов сводится к фундаментальному для философии языка вопросу о том, в какой мере значения языковых выражений определяются носителями языка и в какой мере они зависят от окружающего мира.

Главный тезис теории прямой референции состоит в том, что референция многих терминов естественного языка не зависит от дескриптивного содержания, которое носители языка ассоциируют с этими терминами, но определяется непосредственно (прямо — отсюда название теории). Этот тезис был развёрнут Крипке, Доннеланом и Капланом применительно к единичным терминам разных видов; Патнэм распространил его на общие термины.

В классической работе «Именованье и необходимость» (Naming and Necessity) [23] Крипке выдвинул ряд аргументов в пользу прямо-референтной трактовки собственных имён. Наибольшую известность получили модальный и эпистемологический аргументы. Модальный аргумент сформулирован в терминах семантики возможных миров, которая была разработана Крипке в начале 60-х гг. и получила широкое применение в логике, философии языка и ряде других областей аналитической философии, например в философии сознания. Аргумент состоит в следующем: обычные собственные имена естественного языка являются жёсткими десигнаторами, т.е. указывают на один и тот же объект во всех возможных мирах (той или иной модели). Однако определённые дескрипции, как правило, не являются жёсткими десигнаторами: в разных возможных мирах им могут соответствовать разные объекты. Свойство быть жёстким десигнатором существенно для собственных имён, следовательно, собственное имя — вопреки тезису дескриптивизма — не может быть синонимом определённой дескрипции. Эпистемологический аргумент состоит в следующем: пусть “F” — предикат, “the F” — определённая дескрипция, “N” — собственное имя. Мы а priori знаем, что если the F существует, то является F, однако мы не можем знать а priori, что если N существует, то является F. Таким образом, предложение формы “the F is F” и предложение вида “N is F” имеют разный эпистемологический статус, что говорит о различии в их значении. Поскольку же в этих предложениях различны только подлежащие, различие в значении этих предложений обусловлено

различием в значении их подлежащих, т.е. имя “N” и дескрипция “the F” не синонимичны, даже если референт данного имени является денотатом данной дескрипции.

Отвергнув дескриптивистскую трактовку собственных имён, Крипке предложил альтернативный ответ на вопрос о том, чем обусловлена связь между именем и его носителем (референтом). По Крипке, эта связь задаётся актом именованья и затем передаётся от субъекта к субъекту в коммуникации. Эта теория получила наименование «теория коммуникативных цепей», или «каузальная теория референции» (последнее наименование мотивировано тем, что эмпирическая данность именуемого объекта является фактором, каузально порождающим референциальную связь).

С прямо-референтной трактовкой собственных имён связан метафизический феномен необходимого а posteriori: если A и B — кореферентные собственные имена, то предложения формы «A есть B» (такие как «Утренняя Звезда — это Вечерняя Звезда») выражают необходимые апостериорные истины. Это позволило Крипке сделать вывод, который широко обсуждается в литературе: метафизическая необходимость не влечёт за собой эпистемологическую априорность.

Доннелан разработал теорию прямой референции применительно к определённым дескрипциям, предложив различать их атрибутивное и референтное употребление [13]. Относительно их значения в атрибутивном употреблении Доннелан принимает расселовский анализ, однако определённые дескрипции могут иметь иное употребление, которое Доннелан впервые сделал предметом анализа и которое он назвал референтным. При референтном употреблении определённой дескрипции её референт может не соответствовать её предикативному содержанию, поскольку определяется тем, к какому объекту применяет дескрипцию говорящий. Например, говорящий может по ошибке применить дескрипцию к объекту, который ей не соответствует, но ошибка говорящего не отменяет того факта, что данная дескрипция в данном речевом акте указывает именно на данный объект. Доннелан заключает, что определённые дескрипции в референтном употреблении представляют собой прямо-референтные выражения, подобные собственным именам в трактовке Крипке. Тот факт, что определённые дескрипции имеют два употребления, позволяет предположить, что определённые дескрипции семантически неоднозначны, т.е. имеют два значения. Некоторые авторы (в том числе Крипке) считают, что тезис об однозначности дескрипций можно сохранить, используя прагматическое объяснение описанных Доннеланом феноменов. Вопрос об однозначности или неоднозначности определённых дескрипций остаётся в литературе открытым.

Каплан предложил прямо-референтную теорию значения индексикальных выражений (местоимений, местоименных наречий и выражений типа «столица этой страны», «завтрашний матч» и т.п.) и первую логическую формализацию языка, содержащего индексикальные выражения [22]. Референт индексикального выражения в каждом контексте его употребления

задаётся прямым (не дескриптивным) указанием на объект, что обуславливает прямо-референтный характер такого рода выражений. Каплан разработал семантический аппарат для языков, содержащих индексикальные выражения, и логику для рассуждений на таких языках — логику демонстративов. В логике демонстративов отражён тот факт, что мысль, выражаемая предложением (его интенционал), зависит от контекста, в котором предложение высказывается или понимается. Здесь контекст понимается как совокупность факторов, значимых для выражаемой мысли, таких как агент речи, время и место речевого акта и т.д. (список может варьироваться). Учёт контекстов позволяет определить денотат индексикальных слов, таких как «я» и «здесь»; при этом, поскольку индексикальные слова не несут информации о свойствах их референтов, они оказываются прямо-референтными выражениями. Логика демонстративов Каплана оказалась пионерской в двух аспектах: 1) в середине XX в. многие представители философии обыденного языка считали, что наличие индексикалов делает невозможной формализацию естественного языка; Каплан показал, что этот тезис неверен; 2) логика демонстративов стала одной из первых версий двумерной семантики, которая получила широкое применение в модальной логике, философии языка и эпистемологии.

Двумерный характер логики демонстративов (зависимость истинностного значения предложений от двух факторов — контекста и возможного мира) позволяет объяснить существование априорных, но контингентных истин. Например, предложение «я сейчас здесь» истинно *a priori*, однако пропозиция, что я сейчас здесь, не является необходимой, поскольку я мог бы быть сейчас в другом месте. Таким образом, если Крипке обнаружил феномен необходимого *a posteriori*, то Каплан обнаружил феномен контингентного *a priori*: логический анализ идеи прямой референции позволяет пролить новый свет на соотношение эпистемических понятий *a priori* и *a posteriori* и модальных понятий необходимости и контингентности.

Патнэм распространил теорию прямой референции на общие термины, что сделало её универсальной, т.е. применимой к обозначающим выражениям всех видов [28]. В широко известном мысленном эксперименте «Двойник Земли» Патнэм рассматривает планету («Двойник Земли»), во всём подобную Земле с единственным отличием: на Двойнике Земли ту роль, которую на Земле играет вода, играет жидкость с иной природой (в частности, с иным химическим составом), но с теми же феноменальными свойствами: она бесцветна, не имеет вкуса, утоляет жажду, течёт в реках, выпадает в виде дождя, образует снег и лёд и т.д. Назовём эту жидкость «вода*». Если бы до возникновения молекулярной теории вещества землянин попал на Двойник Земли, он, увидев воду*, счёл бы эту жидкость водой. Поскольку вода* по феноменальным свойствам не отличается от воды, данное мнение землянина было бы вполне обоснованным; более того, поскольку молекулярной теории вещества ещё не было, не было и возможности установить, что вода* чем-либо отличается от воды (т.е. различие не смогли бы обнаружить даже эксперты). Тем не менее эти жидкости различаются

по своей природе, а значит, указанное мнение землянина — отождествление воды и воды* — было бы ложным.

По Патнэму, это показывает, что, вопреки общепринятому со времён Аристотеля мнению, экстенционал термина (класс обозначаемых объектов) не определяется его интенционалом, т.е. набором свойств, указываемых в определении. Вода* обладает всеми характеристиками, которые приписывали ей определения термина «вода» до появления молекулярной теории вещества, и тем не менее вода* не является водой. Соответственно, если на Двойнике Земли живут разумные существа, говорящие на языке, который мы сочли бы русским, слово «вода» их языка указывало бы на воду*, тогда как это же слово русского языка указывает на воду; при этом интенционалы этого слова в обоих языках совпадали бы. Патнэм делает вывод, что экстенционалы имён естественных видов определяются контекстом употребления: определяя термин, мы указываем на некоторый образец соответствующего вида, после чего под данный термин подпадают все объекты, тождественные по своей природе образцу. В частности, определяя термин «вода» на Земле, мы указываем на тот или иной образец воды, после чего: 1) тождество любой порции вещества с образцом обуславливает тот факт, что данное вещество — вода; 2) отличие любой порции вещества от образца имеет следствием тот факт, что данное вещество (в частности, вода*) — это не вода. Таким образом, общие термины, как и единичные, могут иметь индексикальный характер; при этом именно индексикальный компонент значения задает их экстенционал, что делает их прямо-референтными в смысле независимости от их дескриптивного содержания.

Контроверза дескриптивизма и теории прямой референции остаётся открытой проблемой и интенсивно обсуждается в современной философии языка.

Список литературы

1. Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / Ред. А.Ф. Грязнов. М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. 525 с.
2. Блинов А.Л., Ладов В.А., Лебедев В.А., Петякшева Н.И., Суровцев В.А., Черняк А.З., Шрамко Я.В. Аналитическая философия. М.: РУДН, 2006. 595 с.
3. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 374 с.
4. Никоненко С.В. Аналитическая философия. Основные концепции. СПб.: СПбГУ, 2007. 246 с.
5. A Companion to Analytic Philosophy / Eds. A.P. Martinich, D. Sosa. Malden: Wiley-Blackwell, 2001. 508 p.
6. Anscombe G.E.M. An Introduction to Wittgenstein's Tractatus. L.: St. Augustine's Press, 2001. 179 p.
7. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Oxford University Press, 1975. 192 p.
8. Ayer A.J. Language, Truth and Logic. L.: Dover Publications, 1952. 160 p.

9. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Wittgenstein: Understanding and Meaning. An Analytical commentary on the Philosophical Investigation. Oxford: Willey-Blackwell, 2008. 424 p.
10. *Carnap R.* Meaning and Necessity. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 268 p.
11. *Carnap R.* Scheinprobleme in der Philosophie und andere metaphysikkritische Schriften. Hamburg: Felix Meiner, 2005. 194 S.
12. *Davidson D.* Inquiries into Truth and Interpretation. Oxford: Clarendon Press, 2001. 320 p.
13. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75. No. 3. P. 281–304.
14. *Dummett M.* Origins of Analytical Philosophy. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 212 p.
15. *Frege G.* Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens. Berlin: Springer Spektrum, 2018. 355 S.
16. *Frege G.* Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl. Hamburg: Meiner, 1988. 169 S.
17. *Frege G.* Grundgesetze der Arithmetik. Paderborn: Meintis, 2009. 584 S.
18. *Frege G.* Über Sinn und Bedeutung // *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*. 1892. Bd. 100/1. S. 25–50.
19. *Friedman M.* Reconsidering Logical Positivism. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 276 p.
20. *Glock H.-J.* What is Analytic Philosophy? Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 304 p.
21. *Hylton P.W.* Russell, Idealism, and the Emergence of Analytic Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1990. 440 p.
22. *Kaplan D.* Demonstratives. An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals // *Themes from Kaplan* / Eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
23. *Kripke S.* Naming and Necessity. Oxford: Wiley-Blackwell, 1980. 192 p.
24. *Logical Positivism* / Ed. A.J. Ayer. N.Y.: Free Press, 1959. 464 p.
25. *McGinn C.* Philosophy of Language. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2015. 240 p.
26. *Mendelsohn R.L.* The Philosophy of Gottlob Frege. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 248 p.
27. *Preston A.* Analytic Philosophy: The History of an Illusion. L.: Continuum, 2007. 208 p.
28. *Putnam H.* Philosophical Papers. Vol. 2: Mind, Language, and Reality. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1976. 476 p.
29. *Quine W.V.O.* From a Logical Point of View. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1980. 200 p.
30. *Quine W.V.O.* From Stimulus to Science. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1998. 124 p.
31. *Quine W.V.O.* Ontological Relativity and Other Essays. N.Y.: Columbia University Press, 1969. 165 p.
32. *Quine W.V.O.* Word and Object. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2013. 309 p.
33. *Rorty R.* Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton: Princeton University Press, 2017. 480 p.
34. *Russell B.* Basic Writings. L.: Routledge, 2009. 784 p.
35. *Russell B.* Essays in Analysis. N.Y.: George Braziller, 1973. 345 p.
36. *Russell B.* Human Knowledge: Its Scope and Limits. L.: Routledge, 2009. 480 p.
37. *Russell B.* Logic and Knowledge: Essays, 1901–1950. Nottingham: Spokesman Press, 2007. 382 p.

38. *Russell B.* On Denoting // *Mind*. New Series. 1905. Vol. 14. No. 56. P. 479–493.
39. *Russell B.* *The Philosophy of Logical Atomism*. North Charleston (SC): CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017. 106 p.
40. *Russell B.* *The Principles of Mathematics*. L.: Routledge, 1992. 576 p.
41. *Russell B.* *The Problems of Philosophy*. Eastford: Martino Fine Books, 2013. 168 p.
42. *Ryle G.* *The Concept of Mind*. L.: Routledge, 2009. 384 p.
43. *Searle J.R.* *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1970. 203 p.
44. *Searle J.R., Vanderveken D.* *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1985. 240 p.
45. *Sigmund K.* *Sie nannten sich Der Wiener Kreis. Exaktes Denken am Rande des Untergangs*. Wien: Springer, 2015. 384 S.
46. *Soames S.* *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol. 1: *The Dawn of Analysis*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 432 p.
47. *Soames S.* *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol. 2: *The Age of Meaning*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 504 p.
48. *Stadler F.* *The Vienna Circle and Logical Empiricism. Re-evaluation and Future Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2003. 427 p.
49. *Stroll A.* *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press, 2000. 316 p.
50. *Whitehead A.N., Russell B.* *Principia Mathematica*. Vol. 1. L.: Cambridge University Press, 1910. 658 p.
51. *Whitehead A.N., Russell B.* *Principia Mathematica*. Vol. 2. L.: Cambridge University Press, 1913. 742 p.
52. *Whitehead A.N., Russell B.* *Principia Mathematica*. Vol. 3. L.: Cambridge University Press, 1913. 491 p.
53. *Wittgenstein L.* *Werkausgabe*. Band 1: *Tractatus logico-philosophicus / Tagebücher 1914–1916 / Philosophische Untersuchungen*. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1984. 620 S.

ENCYCLOPEDIC SEARCH

Evgeny BORISOV

DSc in Philosophy, Chief Researcher.

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Nikolaeva Str. 8, Novosibirsk 630090, Russian Federation;

e-mail: borisov.evgeny@gmail.com

ANALYTIC PHILOSOPHY

The paper provides an overview of the most fundamental ideas representing analytic philosophy throughout its history from the beginning of twentieth century up to now. The history of analytic philosophy is divided into two stages — the early and the contemporary ones. The main distinguishing features of early analytic philosophy are using mathematical logic as a tool of stating and solving philosophical problems, and critical attitude toward ‘metaphysics’, i.e., traditional and contemporary non-analytic philosophical theories. The genesis of analytic philosophy was closely related to the revolution in logic that led to the rise of mathematical logic, and it is no coincidence that some founders of analytic tradition (first of all Frege, Russell, and Carnap) were also prominent logicians. (But there were also authors and schools within early analytic philosophy whose researches were based on less formal tools such as classical logic and linguistic methods of analysis of language. Ordinary language philosophy is an example of this type of philosophy.) Using the new logic as a philosophical tool led to a huge number of new ideas and generated a new type of philosophical criticism that was implemented in a number of projects of ‘overcoming metaphysics’. These features constituted the methodological and thematic profile of early analytic philosophy. As opposed to the later, contemporary analytic philosophy cannot be characterized by a prevailing method or a set of main research topic. Its characteristic features are rather of historical, institutional, and stylistic nature. In the paper, early analytic philosophy is represented by Frege, Russell, early Wittgenstein, Vienna Circle (Schlick, Carnap etc.), and ordinary language philosophy (later Wittgenstein, Ryle, Austin, and Searle). Contemporary analytic philosophy is represented by Quine, and direct reference theory in philosophy of language (Kripke, Donnellan, Kaplan, and Putnam).

Keywords: analytic philosophy, logical analysis of language, critique of metaphysics, Frege, Russell, Wittgenstein, Vienna Circle, philosophy of ordinary language, Quine, the theory of direct reference

References

1. *A Companion to Analytic Philosophy*, eds. A.P. Martinich, D. Sosa. Malden: Wiley-Blackwell, 2001. 508 pp.

2. *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytical Philosophy: Formation and Development (Anthology)], ed. A.F. Gryaznov. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 1998. 525 pp. (In Russian)
3. Anscombe, G.E.M. *An Introduction to Wittgenstein's Tractatus*. L.: St. Augustine's Press, 2001. 179 pp.
4. Austin, J.L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1975. 192 pp.
5. Ayer, A.J. *Language, Truth and Logic*. L.: Dover Publications, 1952. 160 pp.
6. Baker, G.P., Hacker, P.M.S. *Wittgenstein: Understanding and Meaning. An Analytical commentary on the Philosophical Investigation*. Oxford: Willey-Blackwell, 2008. 424 pp.
7. Blinov, A.L., Ladov, V.A., Lebedev, V.A., Petyaksheva, N.I., Surovtsev, V.A., Chernyak, A.Z., Shramko, YA.V. *Analiticheskaya filosofiya* [Analytical Philosophy]. Moscow: RUDN Publ., 2006. 595 pp. (In Russian)
8. Carnap, R. *Meaning and Necessity*. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 268 pp.
9. Carnap, R. *Scheinprobleme in der Philosophie und andere metaphysikkritische Schriften*. Hamburg: Felix Meiner, 2005. 194 S.
10. Davidson, D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. Oxford: Clarendon Press, 2001. 320 pp.
11. Donnellan, K.S. "Reference and Definite Descriptions", *The Philosophical Review*, 1966, Vol. 75, No. 3, pp. 281–304.
12. Dummett, M. *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 212 pp.
13. Frege, G. "Über Sinn und Bedeutung", *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, 1892, Bd. 100/1, S. 25–50.
14. Frege, G. *Begriffsschrift, eine der arithmetischen nachgebildete Formelsprache des reinen Denkens*. Berlin: Springer Spektrum, 2018. 355 S.
15. Frege, G. *Die Grundlagen der Arithmetik: eine logisch-mathematische Untersuchung über den Begriff der Zahl*. Hamburg: Meiner, 1988. 169 S.
16. Frege, G. *Grundgesetze der Arithmetik*. Paderborn: Meintis, 2009. 584 S.
17. Friedman, M. *Reconsidering Logical Positivism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 276 pp.
18. Glock, H.-J. *What is Analytic Philosophy?* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 304 pp.
19. Gryaznov, A.F. *Analiticheskaya filosofiya* [Analytical Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2006. 374 pp. (In Russian)
20. Hylton, P.W. *Russell, Idealism, and the Emergence of Analytic Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 440 pp.
21. Kaplan, D. "Demonstratives. An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals", *Themes from Kaplan*, eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989, pp. 481–563.
22. Kripke, S. *Naming and Necessity*. Oxford: Wiley-Blackwell, 1980. 192 pp.
23. *Logical Positivism*, ed. A.J. Ayer. N.Y.: Free Press, 1959. 464 pp.
24. McGinn, C. *Philosophy of Language*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2015. 240 pp.
25. Mendelsohn, R.L. *The Philosophy of Gottlob Frege*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 248 pp.
26. Nikonenko, S.V. *Analiticheskaya filosofiya. Osnovnye kontseptsii* [Analytical Philosophy. Basic Concepts]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 2007. 246 pp. (In Russian)

27. Preston, A. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. L.: Continuum, 2007. 208 pp.
28. Putnam, H. *Philosophical Papers*, vol. 2: Mind, Language, and Reality. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1976. 476 pp.
29. Quine, W.V.O. *From a Logical Point of View*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1980. 200 pp.
30. Quine, W.V.O. *From Stimulus to Science*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1998. 124 pp.
31. Quine, W.V.O. *Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y.: Columbia University Press, 1969. 165 pp.
32. Quine, W.V.O. *Word and Object*. Cambridge (Mass.): The MIT Press, 2013. 309 pp.
33. Rorty, R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 2017. 480 pp.
34. Russell, B. "On Denoting", *Mind. New Series*, 1905, Vol. 14, No. 56, pp. 479–493.
35. Russell, B. *Basic Writings*. L.: Routledge, 2009. 784 pp.
36. Russell, B. *Essays in Analysis*. N.Y.: George Braziller, 1973. 345 pp.
37. Russell, B. *Human Knowledge: Its Scope and Limits*. L.: Routledge, 2009. 480 pp.
38. Russell, B. *Logic and Knowledge: Essays, 1901–1950*. Nottingham: Spokesman Press, 2007. 382 pp.
39. Russell, B. *The Philosophy of Logical Atomism*. North Charleston (SC): CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017. 106 pp.
40. Russell, B. *The Principles of Mathematics*. L.: Routledge, 1992. 576 pp.
41. Russell, B. *The Problems of Philosophy*. Eastford: Martino Fine Books, 2013. 168 pp.
42. Ryle, G. *The Concept of Mind*. L.: Routledge, 2009. 384 pp.
43. Searle, J.R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1970. 203 pp.
44. Searle, J.R., Vanderveken, D. *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge (Mass.): Cambridge University Press, 1985. 240 pp.
45. Sigmund, K. *Sie nannten sich Der Wiener Kreis. Exaktes Denken am Rande des Untergangs*. Wien: Springer, 2015. 384 S.
46. Soames, S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*, Vol. 1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2005. 432 pp.
47. Soames, S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*, Vol. 2: The Age of Meaning. Princeton: Princeton University Press, 2005. 504 pp.
48. Stadler, F. *The Vienna Circle and Logical Empiricism. Re-evaluation and Future Perspectives*. Dordrecht: Springer, 2003. 427 pp.
49. Stroll, A. *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press, 2000. 316 pp.
50. Whitehead, A.N., Russell, B. *Principia Mathematica*, Vol. 1. L.: Cambridge University Press, 1910. 658 pp.
51. Whitehead, A.N., Russell, B. *Principia Mathematica*, Vol. 2. L.: Cambridge University Press, 1913. 742 pp.
52. Whitehead, A.N., Russell, B. *Principia Mathematica*, Vol. 3. L.: Cambridge University Press, 1913. 491 pp.
53. Wittgenstein, L. *Werkausgabe*, Band 1: Tractatus logico-philosophicus / Tagebücher 1914–1916 / Philosophische Untersuchungen. Frankfurt a/M.: Suhrkamp, 1984. 620 S.